

Роковой романтизм. Эпоха демонов

Автор:

Евгений Жаринов

Роковой романтизм. Эпоха демонов

Евгений Викторович Жаринов

Классика лекций

Евгений Викторович – известный российский писатель, литературовед, публицист, переводчик. Профессор кафедры всемирной литературы филологического факультета МПГУ.

Новая книга Евгения Жаринова посвящена эпохе романтизма, противоречивого момента в истории культуры человечества. Повальное увлечение мистикой и спиритизмом соседствовало с бурным развитием науки и медицины, промышленности и массового мышления. Романтизм раскрыл человечеству тайну древнеегипетских иероглифов, познакомил с динозаврами, подарил консервную банку и явил мрачный гений Наполеона. Гойя, Байрон, Гофман, Шопен, Ницше – вот неполный перечень гениев, рожденных эпохой романтизма. О его влиянии на развитие мировой культуры эта книга.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Евгений Жаринов

Роковой романтизм. Эпоха демонов

© Жаринов Евгений, 2020

* * *

Общие соображения

Романтизм – эпоха непростая. Её в полной мере ещё можно назвать эпохой демонов. Всякого рода мистика, увлечение спиритизмом, уверенность в латентном присутствии в нашей жизни всевозможных духов и демонов – всё это считается основными характеристиками эпохи романтизма. Само имя направления укоренилось и дошло до наших дней как *romantique* – нечто живописно-странное, фантастически-красивое, нарушающее привычную форму и все обыденное. «Романтический бунт грандиозен. Романтик не довольствуется протестом против политического деспотизма или крепостного права, – пишет Ю. М. Лотман. – Предметом его ненависти является весь мировой порядок, а главным врагом – Бог. Не случайно положительным, авторским героем романтической поэзии часто выступает Демон – взбунтовавшийся против Бога и свергнутый им с небес ангел. Бог утверждает вечные законы вечного рабства – Демон проповедует бунт. Бог представляет как бы начало классицизма в космическом масштабе – Демон воплощает мировой романтизм» (Ю. М. Лотман. Учебник по русской литературе для средней школы. М., 2000. С. 51).

Романтизм сменяет эпоху Просвещения и совпадает с промышленным переворотом, обозначенным появлением паровой машины, паровоза, парохода, фотографии, увеличением продолжительности жизни, что приводит к возникновению массового общества. Этот период Ортега-и-Гассет очень точно охарактеризовал как «восстание масс». Если и говорить о появлении массовой культуры, то, по Вернадскому, именно в 1800 году население Европы впервые достигло числа в 100 000 000 человек. Открытие вакцинации против смертоносной оспы, открытия Пастера в области микробиологии, открытие анестезии и прочее смогли продлить человеку его земное существование. Людей стало слишком много на относительно небольшом европейском пространстве, и, таким образом, согласно философу-романтику Гегелю, произошел переход количества в качество. Карл Ясперс считал, что именно массы становятся решающим фактором в происходящих событиях. По сравнению со временем эпохи романтизма вся предыдущая история кажется относительно стабильной.

Раньше основную массу населения составляло крестьянство, жизненные устои которого мало менялись даже при политических катастрофах. Оно было неисторической субстанцией населения. «Постоянно возникавшие в исторические периоды аграрные кризисы, – считает К. Ясперс, – приносили, правда, потрясения, но принципиально ничего не меняли. Изменение социальных условий шло медленно и затрагивало отдельные слои и группы, сохраняя общее состояние, воспринимаемое как незыблемое... Люди терпели, покорялись и жили во всеозаряющей религиозной вере». Но вот с эпохой романтизма именно масса людей хлынула на историческую арену, и ситуация претерпела коренное изменение.

Массу следует отличать от народа. Народ структурирован, он осознает себя в своих жизненных устоях, в своем мышлении и традициях. Масса, напротив, не структурирована, не обладает самосознанием, она лишена каких-либо отличительных свойств, традиций, почвы – она пуста. Масса является объектом пропаганды и внушения, не ведает ответственности и живет на самом низком уровне сознания. Такую всеобъемлющую характеристику массы приводит в своих трудах Карл Ясперс.

Естественно возникает вопрос: как романтический индивидуализм может быть связан с массовым сознанием? Ведь романтик подчеркнуто, болезненно индивидуален. Он считает свой внутренний мир центром Вселенной, герой-романтик отличается своим эгоцентризмом. Но оказывается, что именно этот эгоцентризм будет нуждаться в слепом поклонении толпы, а значит, в пропаганде. В. Г. Белинский дал следующее определение романтику: это человек, который «высоко говорит, но дурно поступает». Прекрасная формула, определяющая суть самой пропаганды: «высоко говорить, но дурно поступать». Ярким примером тому может служить деятельность романтика Гитлера, увлеченного творчеством другого романтика, Р. Вагнера и романтической мифологией древних германцев. Романтизм – явление сложное. Существует порядка 200 определений этого явления. Такая расплывчатость дефиниций объясняется тем, что само явление еще не устоялось, еще не обрело окончательные формы. Например, романтизм-масса-пропаганда. Как еще объяснить эту триаду? В истории бывают странные сближения. Нацистский мифологизм, во многом опирающийся на творчество романтика Вагнера, это, с одной стороны, романтизм, о котором писал еще Томас Манн, а с другой – агрессивная пропаганда в эпоху расцвета массового общества. Скорее всего, этим и объясняется феномен перерождения немецкой нации просветителей в нацию убийц и извергов под влиянием всемогущей пропаганды, основанной на романтических представлениях об избранной расе ариев.

В основе романтической эстетики лежит учение Э. Берка «о возвышенном» и его теория аффектов. Дело в том, что Берк противопоставлял «возвышенное» «идеальному» и писал, что все дело в аффектах, к которым он относил страх, ужас, восторг, изумление. Так, понятие романтического изначально было связано с изображением ужаса, страха и сильного потрясения. Именно экстатическое, неконтролируемое состояние психики и можно назвать по-настоящему аффектом. Приведем несколько побочных явлений, возникающих в результате аффекта. Прежде всего, это взрывной характер эмоциональной реакции, что отличает аффект от обычных эмоций и переживаний. Если эмоции и переживания несут в себе облагораживающее воздействие и напрямую связаны с мыслительной деятельностью человека, например эстетические эмоции во время концерта классической музыки, слушания стихов, посещения театрального представления или художественной галереи, то аффект – это почти всегда нарушение нормы, это болезненное состояние психики. Аффект сопровождается частичным сужением сознания – фрагментарность и неполнота восприятия: неполное восприятие ситуации в отдельный момент времени, неполное восприятие окружающей действительности и своих действий во времени, а также нарушения произвольной регуляции деятельности – расстройство опосредованности действий, расстройство контроля действий, снижение способности к прогнозу результатов действий, отсутствие прогноза отдаленных последствий действий. Аффекты сопровождаются физическим и психическим истощением. Иными словами, вводя человека в состояние аффекта, создаются все необходимые условия для манипуляции его сознанием, без чего невозможна никакая пропаганда. Получается, что романтическая эстетика оказывается очень связанной со всякого рода манипуляцией сознания и, как следствие, возможной пропагандой. Именно в эту эпоху возникают довольно странные модные увлечения, например, мода на подражательные самоубийства, как это было в случае со смертью Наполеона и с романом Гёте «Страдания юного Вертера». Популярность романа Гёте стала причиной возникновения целой волны подражательных самоубийств среди молодых людей Западной Европы. И такая же по силе волна накрыла целое поколение после внезапной смерти Наполеона Бонапарта на острове Св. Елены.

Романтизм был также известен своей модой на определенные болезни, например туберкулез. Александр Дюма-отец вспоминал об этом со свойственным ему юмором: «Мода была на чахотку; чахотка была у всех, прежде всего у поэтов; считалось хорошим тоном харкать кровью при всяком подходящем случае, связанном с эмоциями, и умирать до тридцати лет.

Само собой разумеется, что мы с Адольфом, оба молодые, тощие и длинные, претендовали на чахотку, и, в общем, это право окружающие за нами признавали» («Мои мемуары»).

В ту необычную эпоху было модно являть миру болезненную бледность, испытывать головокружения, хвататься за сердце и покашливать. Дамы, даже абсолютно здоровые, имели при себе флакон с нюхательной солью. Мужчины зябко подергивали плечами и прижимали к губам носовые платки. Болезненность казалась знаком причастности к возвышенному. В эпоху зарождения массового общества такие стереотипы поведения принимались вне здравого смысла. Здравый смысл – это завоевание Просвещения, которое романтики ненавидели всей душой, поднимая глобальный бунт против любой разумности и порядка. Экстатика, аффект, культ сумасшедшего гения – вот что будет привлекать романтиков.

Была у романтиков и мода на призраков. Дело в том, что романтики были буквально одержимы историей. Можно сказать, что прошлое их интересовало даже больше, чем настоящее. Душа романтика пыталась проникнуть как можно глубже в толщу времен. Именно писатель-романтик Вальтер Скотт изобретет жанр современного исторического романа. Но и до «шотландского чародея» любовь к истории, буквально одержимость прошлым, владела душами писателей и поэтов той поры. Одержимость прошлым, развалинами, древними книгами в большей степени была характерна для англичан. По мнению Питера Акройда, сами привидения можно было рассматривать как мост света между прошлым и настоящим или между живыми и мертвыми.

Исследователь считает, что «Англию XIX века можно назвать золотым веком призраков». Томление, как неотъемлемая черта английской романтической поэзии, нашло высшее выражение в меланхолической фигуре привидения. Возник широкий интерес к спиритическим сеансам, в ходе которых раздавалось разного рода постукивание и прочие звуки. Мода на месмеризм, возникшая в середине века, породила веру в некую плазму или магнетическую жидкость, из которой состоит призрак. Технологический прогресс также как будто подтверждал существование призрачных тел. Начали появляться фотографии, на которых можно было увидеть призрачных обитателей комнат, сидящих в кресле или занятых чем-либо.

Еще одним модным явлением романтизма была так называемая тафофобия. В XIX веке страх быть погребенным заживо стал достаточно распространенной

фобией, получив даже имя тафофобия – от древнегреческого ?????? – гроб, могила и ?????? – страх. Начиная со второй половины XIX века и вплоть до 1934 года в странах Европы и Северной Америки патентовались и производились специальные «безопасные гробы», оборудованные средствами спасения для погребенных заживо. Эти средства позволили бы похороненному по ошибке подать сигнал другим людям или же самостоятельно выбраться из могилы. Кроме того, подобными приспособлениями оборудовались некоторые склепы. Свидетельства о том, что данные средства спасения действительно кому-либо помогли, отсутствуют.

Страх быть погребенными заживо испытывал ряд известных личностей. К примеру, Гоголь, Шопен и Нобель боялись быть похороненными живьем и специально это подчеркнули. Гоголь, например, в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Известной жертвой страха погребения заживо был Альфред Нобель, у которого этот страх являлся «наследственным»: его отец, изобретатель Эммануил Нобель, также боялся быть похороненным заживо и даже изобрел один из первых «безопасных гробов». Британский писатель Уилки Коллинз тоже страдал данной фобией, причем в настолько сильной форме, что каждую ночь оставлял «предсмертную записку», в которой просил читающего тщательно удостовериться в его смерти, если он не проснется. По этой же причине философ Артур Шопенгауэр завещал ждать со своими похоронами пять дней после смерти, в результате чего похоронам философа мешал запах разложения тела. Тафофобия описана в одном из коротких рассказов Э. А. По «Преждевременные похороны». Основная часть рассказа предваряется несколькими небольшими историями о случаях, когда людей хоронили заживо, считая их умершими, хотя они пребывали в глубоком беспамятстве, коме или оцепенении. Одна из них повествует о женщине, которая, заболев не разгаданной врачами болезнью, вскоре умерла. По крайней мере, так все решили, так как за три дня ее тело окоченело и даже стало разлагаться. Женщину похоронили в фамильном склепе, а через три года ее муж обнаружил ее скелет. Вот только он был не в гробу, а стоял прямо возле входа.

Герой рассказа болен каталепсией, когда состояние глубокой летаргии может длиться от пары дней до нескольких недель. Его преследует страх быть похороненным заживо. Однажды, во время одного из трансов, героя одолевает страшное видение: к нему является демон, поднимает его с постели, раскрывает перед ним могилы и показывает мучения погребенных заживо. Под впечатлением от увиденного им ужаса, рассказчик решает подготовить фамильный склеп на случай, если его все-таки похоронят. Он запасается едой и устраивает все так, чтобы гроб можно было легко открыть. Однако спустя

некоторое время он просыпается вовсе не в фамильном склепе. Он решает, что его закопали, и начинает кричать. На крики прибегают мужчины, которые оказываются моряками: героя вовсе не похоронили, он всего лишь задремал в шлюпке. После этого происшествия рассказчик решает выбросить из головы бредовые мысли о смерти и зажить «по-человечески».

Тафофобия, в свою очередь, породила моду на так называемые «безопасные гробы». Первый зарегистрированный безопасный гроб был сделан по заказу Фердинанда, принца Брауншвейгского перед его смертью в 1792 году. В склепе и в гробу были сделаны небольшие окна, чтобы в гроб проникал свет, а также трубка, в случае ошибки обеспечившая бы герцога свежим воздухом. Вместо того чтобы прибивать крышку гроба гвоздями, ее закрыли на замок, открывавшийся как снаружи, так и изнутри; таким же замком была оборудована и сама могила-склеп. В специальный карман савана принца положили два ключа – от крышки гроба и от двери склепа. Шестью годами позднее, в 1798 году, немецкий священник Песслер предложил оборудовать все гробы шнурами, связанными через систему блоков с церковными колоколами. Таким образом, человек, ошибочно похороненный заживо, смог бы привлечь к себе внимание и спастись. Однако такая методика спасения мнимых покойников была труднореализуемой и весьма затратной, поэтому вскоре пастор Бек – коллега Песслера – предложил установить в гробы выходящую на поверхность трубку. Каждый день местный священник должен был при помощи той трубки проверять состояние покойника. Если священник не чувствовал запаха разложения или слышал крики о помощи, гроб мог быть выкопан и похороненный заживо был бы спасен.

В начале XIX века немецкий врач Адольф Гутсмут разработал безопасный гроб и лично испытал его, будучи несколько раз погребенным в нем заживо. Во время одной такой демонстрации в 1822 году он провел под землей несколько часов и даже, используя устройство для подачи в гроб пищи, смог пообедать в могиле супом, сосисками и пивом.

Большинство безопасных гробов XIX – начала XX века, таких как конструкции доктора Йохана Табергера и Франца Вестера, были оборудованы небольшой трубой, выходящей на поверхность земли и имевшей сверху маленький колокол. Сквозь трубу к колоколу шла веревка или легкая цепь, конец которой привязывался к ноге или руке погребенного (или, как в конструкции Табергера, к рукам, ногам и голове), давая ему возможность позвонить в колокол при пробуждении. Предусматривалась защита колокола от случайного звона (к

примеру, от ветра или севших на крепление птиц), водяные отводы для предотвращения заливания могилы дождевой водой и сетка от насекомых. Помимо обеспечения возможности позвонить в колокол, труба позволяла погребенному заживо не задохнуться в гробу, служа своего рода вентиляционной отдушиной. Кладбищенский сторож, услышав звон, должен был вбить в гроб в районе ног покойного вторую трубу и с помощью мехов нагнетать в гроб воздух, облегчая существование узника до его освобождения.

Вскоре, правда, выяснилось, что использование шнура, привязанного к конечности покойника, имело свои недостатки. Естественные процессы разложения часто заставляли тело раздуваться или даже менять положение, вызывая в результате случайное движение шнура и «ложную тревогу». По этой причине Франц Вестер в своей конструкции предусмотрел также окно-дверцу, через которую сторож кладбища мог посмотреть на лицо мертвеца и таким образом проверить, жив тот или мертв.

В то время особенно модным было изучение так называемого животного магнетизма. Под этим термином понималась смесь психофизиологических феноменов, гипноза и проявлений того, что сейчас называют паранормальными явлениями. В эпоху романтизма электричество активно входит в жизнь людей. Так, при королеве Виктории по дну Ла-Манша прокладывают кабель и становится возможным телеграфное общение. А задолго до этого писательница Мэри Шелли создаст своего Монстра, детище доктора Франкенштейна. Именно с помощью электричества молодому исследователю удастся оживить мертвую ткань и создать Нового Прометея.

В эпоху романтизма оформляются феномены туризма, альпинизма и пикника, призванные восстановить единство человека и природы. Вообще, путешествие, или странствие, станет чуть ли не ведущей темой немецкого и европейского романтизма. Считается, что роман Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера», где подробно описывается путешествие главного героя, подтолкнул Новалиса к написанию своего знаменитого произведения «Генрих фон Офтердинген», в котором главный герой отправляется на поиски знаменитого голубого цветка. А «Паломничество Чайльд-Гарольда» Байрона во многом продолжит тему странствий романтического героя. И тема эта станет необычайно модной в эпоху романтизма, так как именно в начале XIX века произойдет так называемая промышленная революция, которая изменит все предшествующее представление о пространстве и времени благодаря открытию паровой машины. Человечество веками ставило перед собой задачу изобретения механизмов,

способных перевозить людей и грузы, но решило ее, занимаясь первоначально совсем другими вещами. Ученые, стремясь увеличить производительность труда на фабриках и угольных шахтах, создали первые паровые двигатели, заменившие водяные мельничные колеса, использовавшиеся раньше в производстве. Вот тут и возникла мысль применить новую гигантскую силу, образуемую паром, для вращения колес повозки. Так возникла идея создания паровоза, на полстолетия опередившая изобретение двигателя для авто. В разработку новой, невиданной до того конструкции включились французские и английские инженеры. В 1813 году Джордж Стефенсон сконструировал и построил локомотив для транспортировки тридцати тонн угля по рельсам. А 27 сентября 1825 года первый паровоз с пассажирами отправился из Дарлингтона в Стоктон. К 1843 году было уже проложено 3200 километров железнодорожных путей, а к 1870 году – 22 тысячи. Строительство железных дорог сделало перемещение людей и грузов гораздо более быстрым и дешевым. Люди, никогда ранее не выезжавшие за пределы родных мест, вдруг смогли прокатиться на юг и север страны, побывать в столице. Ранее лошади пробегали по хорошей дороге в среднем 12 километров в час. В 1830 году паровоз выехал из Ливерпуля до Манчестера со скоростью 30 километров в час, а в 1850 году – уже со скоростью 80 километров в час. Огонь, пар и необычайная скорость – все это в недавнем времени человеческая фантазия приписывала Люциферу и никому больше, а теперь, в эпоху романтизма, эти атрибуты ада и дьявольской мощи помогали людям расширить свои представления о жизни. Не только пикники и безобидный туризм вошли в моду во время царствования романтизма, но и повальная эмиграция стала неотъемлемой приметой времени. Так, к концу века из одной только Ирландии в Америку эмигрировали почти 11 миллионов человек. Люди привыкали к другим обычаям, к другой религии, учились разговаривать на разных языках. Романтическая мода на путешествия скрывала под собой важные перемены в жизни всей европейской цивилизации.

Другим модным увлечением в эпоху романтизма была «охота на динозавров», результатом которой стало появление науки палеонтологии, которая опровергала библейскую концепцию мира. Получалось, что динозавры жили на земле 160 миллионов лет, что во много раз превышало существование человека на земле, который, согласно Библии, был поставлен в центре всей Вселенной и животного мира в том числе.

Итак, конец века Просвещения. Именно Просвещение для романтиков и стало той отправной точкой, тем началом, из которого и выйдет вся эстетика романтизма. Если сначала Классицизм, а затем Просвещение говорили о разуме и о рациональном начале, если для просветителей-масонов главным была

концепция Бога как великого и разумного архитектора, потому что Бог и есть Свет, то романтики, наоборот, обратились ко Тьме, они утверждали, что мир неразумен, что в нем больше хаоса, чем порядка, и, по мнению Ю. М. Лотмана, считали себя адвокатами Демона, поднявшего против Бога восстание.

Для примера назовем только несколько произведений романтиков, в которых именно Сатана, Дьявол, Демон обозначены как главные герои. «Эликсиры Сатаны» Гофмана, «Влюбленный дьявол» Казота, «Мемуары Дьявола» Сулье, «Демон» М. Ю. Лермонтова. И это далеко не полный перечень. Есть ещё готические романы, в которых дьявол присутствует, но он не вынесен в название самого произведения, например «Мельмот Скиталец» Метьюрина или «Монах» Льюиса. Сюда же можно отнести «Вампира» Полидори, а затем и «Дракулу» Стокера, мистерию Байрона «Каин», в которой на сцене появляется Сатана собственной персоной. Если Просвещение характеризуется культом разума и основанной на его началах цивилизации, то романтизм утверждает культ природы, чувств и естественного в человеке. Но природа, согласно теологии, – это церковь сатаны, это источник всякого магизма и ведьмачества, столь излюбленного романтиками готического мрачного начала.

Глава I. Наука эпохи романтизма

В эпоху романтизма зародилась такая наука, как палеонтология. В 1811 году одиннадцатилетняя Мэри Эннинг и ее брат Джозеф, собирая в местечке Лиме Реджис в Южной Англии раковины и окаменелости для магазина своей матери, нашли 5-метровый череп гигантского морского пресмыкающегося, названного впоследствии ихтиозавром.

Примерно в 1818 году сельский врач Гидеон Мэнтел и его жена Мэри собирали ископаемые кости и зубы в карьере в Суссексе. Наиболее интересными оказались находки зубов листовидной формы, напоминающих зубы современной ящерицы игуаны. Отсюда и название игуанодон, которое было дано этому животному в 1825 году.

Само же слово «динозавры» появилось примерно в 1841 году. Это название было предложено палеонтологом Ричардом Оуэном, сумевшим понять, что такие

создания, как мегалозавр и прочее, столь сильно отличались от современных пресмыкающихся, что их следовало выделить в отдельную группу. Оуэн определил эту группу как подотряд и назвал подотрядом динозавров. Слово «динозавр» имеет греческие корни. Если перевести его на русский язык, то мы получим словосочетание «ужасный ящер». Именно такими и были эти вымершие рептилии. Их размеры огромны, а сами они действительно выглядели ужасно. С точки зрения официальной науки, динозавры являлись представителями древних пресмыкающихся, обитавших на нашей планете 225 миллионов лет и вымерших около 65 миллионов лет назад.

В 1876 г. в угольной шахте в окрестностях селения Берниссар в Бельгии было сделано замечательное открытие – найдено целое кладбище игуанодонов: 39 скелетов, многие из которых были полными! Эти останки были отпрепарированы и смонтированы затем в Брюссельском музее в положении на двух ногах.

А в Америке в XIX веке начался буквально бум динозавромании. Искать ископаемых животных стало необычайно модно. Во второй половине XIX в. наиболее замечательные открытия динозавров были сделаны в Северной Америке, в предгорьях Скалистых гор. Два исследователя-палеонтолога, Отниэл Чарльз Марш и Эдвард Дрикнер Коп, независимо друг от друга посылали в эту область экспедиции и платили старателям за интересные ископаемые останки. В яростном стремлении к тому, чтобы интересные экземпляры не попали к сопернику, они доходили до того, что приказывали разбивать и взрывать те скелеты, которые не могли полностью выкопать сами. Тем не менее, в результате их поисков, получивших название «Большой американской охоты за динозаврами», до конца XIX столетия было обнаружено 136 новых видов древних ящеров.

Динозавры обитали на планете примерно 160 миллионов лет. Если сравнивать с этим временем период существования на земле человеческих существ, то он кажется чрезвычайно коротким. Фактически период царствования динозавров в 50 раз длиннее, чем время, прошедшее с появления человека до наших дней. Люди и динозавры не были современниками – они «разминулись» во времени. Динозавры – одни из самых вымерших животных на Земле. Больше них вымерли только каптероамфибрахтили. Эти вымерли так, что даже памяти о них не осталось.

Палеонтология заставила пересмотреть Библию. Оказалось, что не человек является венцом создания. Люди весьма горды собой. Девиз новейшего времени:

человек есть мера всех вещей. Любование устройством человеческого тела побуждает физиологов и философов превозносить строение организма всех млекопитающих. Однако история развития динозавров учит нас скромности. Вызывающие восхищение особенности млекопитающих – сохранение тепла при помощи покрытой шерстью шкуры и кормление детенышей молоком – появились невероятно давно. К тому времени, когда динозавры начали свое головокружительное завоевание планеты, класс млекопитающих уже существовал – со всеми его архиположительными качествами. И что же? Победили якобы хуже приспособленные ящеры! И низвели млекопитающих до горстки отдельно развивавшихся семейств – маленьких шустреньких зверьков, которые испуганно шарахались из-под ног истинных властелинов земных просторов. Символично, что рядом с первым извлеченным из земли динозавром (найденным в 1822 году близ Стоунсфилда в Англии) обнаружили скелетик ископаемого млекопитающего размером с современного упитанного кота, которого этот доисторический великан мог бы без труда упрятать за щекой. Но именно ящеры, или рептилии, в Библии ассоциируются исключительно с дьяволом, бунт которого и воспевала вся эпоха романтизма.

Помимо палеонтологии наука этого периода поставила важный вопрос об эволюции и создала учение Чарльза Дарвина. Так возник дарвинизм. Дарвинизм – в узком смысле – направление эволюционной мысли, приверженцы которого согласны с основными идеями Дарвина в вопросе эволюции (современная их форма, порой с существенным переосмыслением некоторых аспектов, представлена в синтетической теории эволюции), согласно которым главным (хотя и не единственным) фактором эволюции является естественный отбор. Дарвинизм подвергается критике со стороны ряда представителей религий, считающих, что он противоречит божественному сотворению человека. В наше время такое мнение не общепризнано. Кроме того, дарвинизм объясняет происхождение человека длительной эволюцией, а это, согласно буквальному прочтению канонических текстов авраамических религий, идет вразрез со сравнительно недавним образованием мира. Именно библейская концепция недавнего образования мира и была подвергнута серьезной критике со стороны как теории эволюции, так и науки палеонтологии, с точки зрения которой оказалось, что, условно говоря, рептилии жили на земле гораздо дольше, чем человек и все млекопитающие вместе взятые.

Фольклор – наука эпохи романтизма

Фольклор как филологическая научная дисциплина возник в эпоху романтизма в рамках гейдельбергской школы. Гейдельбергская школа романтизма (нем. Heidelberg Romantik) – второе после йенского поколение немецких романтиков, которое группировалось вокруг Гейдельбергского университета в великом герцогстве Баден. Главные представители – Ахим фон Арним и его шурина Клеменс Brentano. Brentano, Арним и их последователи (в том числе Йозеф фон Эйхендорф и Адальберт фон Шамиссо) обратились к гердеровской идее «народного духа» и проявляли повышенный интерес к национальной культурно-исторической традиции. Доминирует идея национального единения и растворения индивидуальности в «народном теле».

Проблема преодоления дуализма материи и духа, природы и сознания, чувства и разума разрешается в обращении художника к национальному прошлому, к мифологическим формам сознания, к глубокому религиозному чувству. Представители школы обращались к фольклору как к «подлинному языку» народа, способствующему его, народа, объединению.

В целом гейдельбергская школа носила националистический характер (одно из первых проявлений романтического национализма). Рост национального самосознания гейдельбержцев связан, прежде всего, с неприятием государственных реформ, насаждаемых Наполеоном на захваченных им территориях.

С 1805 по 1808 год Арним и Brentano занимаются изданием сборника народных песен под названием «Волшебный рог мальчика». В их собрание попали и авторские стихи малоизвестных поэтов XVI–XVII вв. Продолжением той же линии стал сборник «Детские и семейные сказки» братьев Гримм.

В рамках гейдельбергского романтизма оформилось первое научное направление в изучении фольклора – мифологическая школа, в основе которой лежали мифологические идеи Шеллинга и братьев Шлегелей. Братьев Гримм в истории навсегда останется только двое, несмотря на то, что в их семье было целых пять сыновей. Но именно Якоб и Вильгельм относились к числу гениальных умов своего времени. Если не брать в расчет их популярность как писателей, о деятельности братьев Гримм широкой публике известно мало. На самом деле их наследие вовсе не ограничивается адаптированным немецким фольклором. Братьев интересовало практически все так или иначе связанное с языком – от скандинавских мифов до истории права. У Вильгельма периоды

творческой активности сменялись затяжными перерывами, в основном из-за слабого здоровья. И настоящим «отцом немецкой филологии» можно по праву назвать именно Якоба Гримма, чья жизнь проходила в постоянном научном поиске.

Братья родились во вполне благополучной семье. Якоб был всего на год старше Вильгельма, и с самого детства братья были друг для друга лучшими друзьями. Общие интересы и любовь к науке только укрепляли дружбу. По примеру своего покойного отца братья решили учиться праву в Марбургском университете. Во время учебы на юридическом факультете Якоб понял, что его больше увлекает филология. После окончания университета Якоб уехал в Париж, где познакомился с филологами, собиравшими народные песни, легенды и сказки. Якоб проникся этой идеей и решил обязательно заняться подобным в Германии, конечно, в компании младшего брата.

В 1808 году Якоб Гримм получил место личного библиотекаря у родного брата Наполеона Бонапарта, Жерома, короля Вестфалии. Королю нравился молодой серьезный юноша, да и в библиотеку монарх заглядывал редко, поэтому ничто не мешало Якобу заниматься исследованиями. Поэтому уже через четыре года братья Гримм опубликовали свой первый том «Детских и семейных сказок», еще через три года – второй. Еще через пару лет появился сборник «Немецкие предания». Из-за серьезного интереса к языку Якоб отказался от карьеры дипломата. Вообще служебные обязанности были для Якоба только помехой. Именно поэтому он всеми способами старался оставаться простым библиотекарем, хотя ему предлагали место профессора с хорошим окладом. До 1820 года братья Гримм скромно трудились в библиотеке Касселя, в которой они могли спокойно заниматься филологическими исследованиями.

Позже они согласились преподавать в университете Геттингена, где эмоциональный Вильгельм имел больший успех у студентов, чем старший брат. Суховатый и сдержанный Якоб вообще не стремился преподавать, его интересовала только наука. Правда, в университете у братьев появилось много друзей, разделявших их интересы, однако все хорошее заканчивается, и братьев уволили в 1837 году за отказ принести присягу ганноверскому королю.

В историю языкознания Якоб Гримм вошел, прежде всего, как автор четырехтомной «Немецкой грамматики». Первый том ее посвящен морфологии и фонетике, второй – преимущественно морфологии, третий – словообразованию и четвертый – синтаксису. В основе данного исследования лежит сравнение на

исторической основе всех германских языков, охватывающее огромный материал, начиная с первых письменных памятников.

Якоб и Вильгельм проделали невероятно кропотливую работу, создавая свой «Немецкий словарь» и «Немецкую грамматику». На одну только подготовительную работу ушло 14 лет! Зато их словарь до сих пор считается уникальным изданием, не имеющим аналогов.

Но все-таки братья Гримм для нас, прежде всего, это сказочники. Родители обычно не догадываются, что читают своим детям сильно смягченные версии. Якоб и Вильгельм были исследователями и старались записывать услышанные истории слово в слово. Поэтому их сказки скорее жестокие, чем поучительные. Приведем несколько самых страшных и одновременно с этим странных сказок братьев Гримм.

«Девушка без рук» (1812)

Однажды мельник попросил у дьявола богатства, а тот взамен попросил то, что у мельника за домом. Там оказалась дочь мельника, которую дьявол попытался утащить, но девушка оказалась слишком чиста душой, поэтому забрать ее с собой в ад Сатана не смог. Тогда он приказал мельнику отрубить дочери руки. Мельник послушно отрубает девушке руки, после чего она уходит из дома, скитается, пока в нее не влюбляется король, который берет ее в жены. У них рождается сын, а король тем временем воюет в далекой стране. Дьявол подменяет письма, и король получает известие, что его жена родила щенка. Нечистый подменяет и ответ короля, и королеву изгоняют. Она живет с сыном в лесу, у нее отрастают руки, а спустя семь лет король находит ее, и они возвращаются во дворец. В некоторых вариантах этой сказки мельник отрубает дочери руки и груди за то, что она отказывается выйти за него замуж. Вот такой инцест с садизмом получается.

«Вор в терновнике» (1815)

В названии этой сказки использовано слово, одновременно обозначающее и «вора», и «еврея». Мальчик покупает волшебную дудочку, и каждый, кто ее слышит, пускается в пляс. Мальчик находит еврея (которого зовут Еврей) и заставляет того танцевать на кусте терновника, пока тот не отдаст ему все деньги. Мальчика хотят повесить, но он достает свою дудочку и не перестает играть, пока еврей не осознается, что он и сам украл золото. Еврея, конечно, казнят. Антисемитизм в действии.

«Жених-разбойник» (1812)

Жених одной девушки живет далеко в чаще леса, в жутком доме. Девушка приходит на свидание, но жениха не находит и, опечаленная, гуляет вокруг дома. Вдруг к ней подходит старуха, которая говорит, что ее любимый – на самом деле жестокий людоед, который заманивает девушек к себе, а после – съедает. Конечно, девушка не верит, и тогда старуха прячет ее. Когда жених возвращается домой с очередной перепуганной жертвой, которую жестоко убивает и поедает прямо сырой, у девушки открываются глаза. Она убегает от ужасной избушки и размышляет, как бы разобраться с убийцей. Подумав, девушка приглашает жениха на ужин в дом своего отца. Каннибал приходит, рассчитывая вскоре заполучить еще одну аппетитную жертву. И тут его хватает полиция. Прямое предвестие нашумевшего триллера «Молчание ягнят».

«Можжевеловое дерево» (1812)

Злая мачеха-королева предлагает пасынку яблоко. Для того чтобы взять его, мальчик должен залезть в гигантский сундук. Когда он открывает сундук, мачеха отрубает ему крышкой голову. Желая замаскировать преступление, она привязывает голову мальчика к телу платком. Но вскоре голову сбивает ее собственная дочь, которая теперь уверена, что виновата в смерти сводного брата. Королева с дочерью придумывают хитрый план, готовят из тела кровавый пудинг и подают на ужин королю. Однако душа мальчика превращается в птицу, и, движимая мстью, бросает мачехе на голову большой камень, который убивает ее на месте. Яркий сценарий для фильма-ужаса.

«Бедный мальчик в могиле» (1843)

Мальчик-сирота попадает в дом к богатой супружеской паре. Те избивают его, морят голодом, и всячески издеваются над малышом. Тогда он решает наложить на себя руки. Но он необразованный мальчик-сирота, поэтому не знает, как выглядит яд и каков он на вкус. Поэтому вместо отравы он ест мед и пьет вино. Уверенный, что он смертельно отравлен, сытый и пьяный мальчик ложится в могилу, готовится к смерти и умирает.

В наше время проблемы фольклора становятся все более и более актуальными. Ни одна гуманитарная наука – ни этнография, ни история, ни лингвистика, ни история литературы не могут обходиться без фольклорных материалов и изысканий. В наше время все гуманитарные науки могут быть только историческими. Всякое явление мы рассматриваем только в его движении, начиная от его зарождения, прослеживая его развитие, расцвет и, может быть, вырождение, падение и исчезновение. Объяснить – означает возвести явление к создавшим его причинам, а причины эти лежат в области социальной и хозяйственной жизни народов. Наука, изучающая наиболее ранние формы материальной жизни и социальной организации народов, есть этнография. Фольклор также напрямую связан и с антропологией, которая на современном этапе развития общества приобрела особое значение. Антропология, в паре с биологией, открывает нам многие механизмы наших привычных этических соображений, расширяя представления о добре и зле, например.

Фольклор напрямую связан и с психоанализом. Укорененность теории и практики психоанализа в современной культуре не вызывает сомнения. Связь между психоанализом и фольклором осуществляется с помощью мифа. Область мифологии представляет истоки культурного творчества и предмет психоаналитических исследований.

Третьей гуманитарной наукой, которая родилась в эпоху раннего романтизма, по праву считается мифология. Мифология как наука во многом обязана своим появлением философским трудам Ф. Шеллинга. В эстетической системе Шеллинга мифология имеет ключевое значение. По его мнению, мифология есть мир и, так сказать, почва, на которой только и могут расцвести и произрастать

произведения искусства. Только в пределах такого мира возможны устойчивые и определенные образы. Шеллинг напрямую связывает миф с символизмом, тем самым подчеркивая многозначность первого. Постановка вопроса о символизме мифа, безусловно, углубила понимание последнего и оказала известное влияние на символические теории мифа в XX в. Именно широкая символическая трактовка теории мифа и была в дальнейшем использована К. Г. Юнгом в его теории о коллективном бессознательном.

Зигмунд Фрейд считал миф коллективной фантазией невротического происхождения. Как и в случае индивидуальных неврозов, такая фантазия возникает в качестве компенсации вытесненных в подсознание влечений, исполнение которых в реальности невозможно из-за ограничений культуры. Неудовлетворенные желания в мифе проявляются почти в неприкрытой форме: то и дело попадаются герои с подчеркнутой гиперсексуальностью, герои-обжоры, стяжатели, коварные хитрецы, добывающие себе блага обманом, и тому подобное. Даже богам языческих мифологий свойственна двойственность, и они сами имеют черты плута, трикстера. Однако чаще образы фантазии указывают на желания в символической форме. В психоанализе религия наряду с мифом расценивается как компенсирующая фантазия, замещающая вытесненные влечения. О. Ранк, Г. Закс пишут по этому поводу: «Эту функцию символически замаскированного удовлетворения социально неприемлемых инстинктов миф разделяет с религией. Различие состоит в том, что некоторые религиозные системы человечества оказались способными видоизменять и сублимировать эти инстинкты и до такой степени замаскировали их удовлетворение, что сделали возможным высокое этическое развитие человечества». Большинство последователей теории Фрейда искали в мифологическом сказании осуществление желаний эротического характера. Чаще всего, вслед за учителем, исследователи связывали их с эдиповым комплексом.

К. Г. Юнг отказался от сугубо эротической трактовки мифа. Фантазии, мифы и другие продукты психической деятельности рассматриваются К. Г. Юнгом как самовыражение того, что происходит в бессознательном, как высказывание бессознательной души о самой себе.

К. Г. Юнг полагал, что в мифологических образах находят воплощение события из жизни души. Сходство мифологических сюжетов по всему миру, с точки зрения Юнга, объясняется действием архетипов, общих психоидных структур коллективного бессознательного, отражающих глубинные процессы психики. Юнг предположил, наряду с индивидуальным бессознательным, существование

более глубокого слоя, общего для всего человечества, который он назвал коллективным бессознательным.

Мифология как наука приобрела особую актуальность именно в XX веке. Это объясняется общим кризисом европейской рациональности, философии позитивизма и прочее. Именно мифология как наука пришла на смену традиционному реализму XIX в., сознательно ориентированному на правдоподобное отображение действительности. «Возрождение» мифа во всей современной культуре отчасти опиралось на новое апологетическое отношение к мифу как к вечно живому началу, провозглашенное «философией жизни» (Ф. Ницше, А. Бергсон), на уникальный творческий опыт Р. Вагнера, на психоанализ З. Фрейда и особенно К. Г. Юнга, а также на новые этнологические теории (Дж. Фрейзер, Б. Малиновский, Л. Леви-Брюль, Э. Кассирер и др.).

Стремление выйти за социально-исторические и пространственно-временные рамки ради выявления этого общечеловеческого содержания было одним из моментов перехода от реализма XIX в. к модернизму, а мифология в силу своей исконной символичности оказалась (особенно в увязке с «глубинной» психологией) удобным языком описания вечных моделей личного и общественного поведения, неких сущностных законов социального и природного космоса. Таким образом, мифология, возникшая в эпоху романтизма, получила свое неожиданное продолжение в интеллектуальной жизни XX–XXI веков.

Эпохе романтизма мы обязаны и появлением научной египтологии. Впервые в самом начале XIX века поддались расшифровке египетские иероглифы. Найденный в 1799 году офицером армии Наполеона так называемый «Розеттский камень», с идентичными по содержанию иероглифическим, демотическим и греческим текстами, первым дал ключ к дешифровке египетских иероглифов. Началом научной египтологии принято считать публикацию французским ориенталистом и лингвистом Ж. Ф. Шампольоном 14 сентября 1822 года. «Письмо к г-ну Дасье», в котором впервые в европейской научной традиции верно описывалась система египетского иероглифического письма. Ученый выступил с сообщением в Академии надписей в Париже о результатах своей дешифровки Розеттского камня. В 1824 году Ж. Ф. Шампольон опубликовал «Очерк иероглифической системы древних египтян», в 1828–1830 годах возглавил первую научную экспедицию в Египет, результатом которой был труд «Памятники Египта и Нубии», изданный в 1844 году при участии И. Розеллини. В этой экспедиции Ж. Ф. Шампольон собрал множество памятников, дав первое их научное описание. В 1836 году, уже после

смерти Ж. Ф. Шампольона, была опубликована составленная им первая грамматика египетского языка, в 1841 г. – вышел словарь египетского языка (также посмертно). За открытиями Шампольона последовал бурный рост молодой науки. Ф. Шампольон и его непосредственные преемники занимались не только вопросами египетского языка и письма, что было необходимым условием для дальнейшего роста науки, но и разработкой проблем древнеегипетской истории, хронологии, археологии, культуры и т. д. Это так называемая «старая школа» в египтологии. Таким образом, таинственный и молчаливый народ Египта, описанный в Библии как антагонист иудаизма и заветов Моисея, превратился из сказочного мифического персонажа в полное конкретное историческое явление, чье письменное наследие оказалось возможным расшифровать. Библейская история получила обоснованный научный контекст. В результате Европе захватила египтомания, еще одно модное увлечение эпохи романтизма. И это нашло свое отражение в литературе, архитектуре и декоративно-прикладном искусстве Испании, Италии, Франции. Египетские мотивы легли в основу стиля ампир. Египетские стелы буквально наводнили Париж. Докатилась мода и до столицы Российской империи. В Санкт-Петербурге в начале XIX столетия построили Египетский мост, а в Царском Селе – Египетские ворота, расписанные иероглифами. Появились каменные львы, сфинксы и грифоны.

Великие изобретения эпохи романтизма

Изобретения, изменившие мир, появились в период примерно с 1760 по 1830 г., то есть в эпоху предромантизма и романтизма. Этот период называют еще временем «промышленной революции», под влиянием которой некогда аграрные страны Западной Европы стали превращаться в промышленные державы и первой среди них была Британия.

Так, в 1783 году состоялся третий полет воздушного шара, построенного братьями Монгольфье. Шар поднял пассажиров. Это были петух, утка и овца.

В Англии становилось все больше шахт, мощности водяных колес уже не хватало для откачки воды из них. Английский изобретатель Ньюкомен впряг в работу новую силу – пар. Джеймс Уатт усовершенствовал это изобретение в 1782 году.

Британские изобретатели XVIII века открыли как выплавлять чугун, применяя каменный уголь вместо дефицитного древесного, и как использовать паровые машины вместо водяных колес для дутья в доменных печах. Это позволило металлургии обеспечить металлом нужды промышленной революции.

В это время была изобретена пудлинговая печь. В ней плавил и перемешивали чугун, превращая его в сварочную сталь. Пудлинговая печь была изобретена Генри Корт в 1783 году. Это позволило намного увеличить производство стали. Владельцы заводов обогатились, но сам Корт умер в нищете.

В первой половине XIX века, в эпоху романтизма, Великобритания стала мастерской Мира. Новые станки и инструменты позволили английским инженерам строить передовые машины всех видов. Материалы, даваемые машинной металлургией, и сила паровых машин увеличивали поток изобретений. Паровая машина высокого давления, созданная Ричардом Тревитиком в 1805 году, и стальные рельсы породили железнодорожный транспорт. Вокзалы, созданные из стали и стекла, отражали ту важность, которую придавали железнодорожному транспорту в XIX веке.

Пароходы ускорили океанские плавания. Стальные мосты легли через широкие реки. Транспортная революция «сделала мир меньше». Первые удачные пароходы были построены около 1800 г. В 1830-е годы пароходы пересекли Атлантику. В 1840-х годах лопастные колеса стали вытесняться гребными винтами.

Паровые автомобили строились в 1820–1830-е гг., но ездить на стальных колесах по хорошим дорогам не разрешалось. Стали строить железные дороги.

Ключом технического прогресса XIX века стали станки. Они изготавливали винты, штоки и цилиндры таких размеров и с такой точностью, какие раньше были недоступны. Искусных ремесленников заменили рабочие-станочники. Это позволило сделать производство массовым. В 1840 году появился токарно-винторезный станок. Появилась возможность строить машины из взаимозаменяемых частей. Первыми предметами массового производства стали огнестрельное оружие и часы. В 1831 году Сэмюэлем Кольтом был изобретен револьвер. А в 1810 году Питер Дюран изобрел жестяную банку для консервов. Вещь, на первый взгляд, незначительная, но имеющая колоссальные последствия в истории человечества. Нужда в консервных банках как раз возникла в эпоху Наполеоновских войн. И отныне консервная банка, мировые

войны, сражения на суше и на море, арктические экспедиции, открытия Севера и даже космические полеты будут навечно связаны с этой самой банкой.

Консервная банка была запатентована в 1810 году англичанином Питером Дюраном, который использовал в своем изобретении открытия француза Николя Аппера. Стерилизованные консервы были изобретены в начале XIX века благодаря Наполеону Бонапарту. В 1795 году Франция вела сразу несколько войн – против Пруссии, Англии и Австрии. По настоянию Бонапарта, в ту пору командовавшего армией в Северной Италии, Конвент объявил конкурс на лучший способ длительного хранения продуктов. Его выиграл повар Николя Аппер, владелец ресторанов в Париже.

Взяв за основу теорию двух ученых – ирландца Нидгэма и итальянца Спалланцани, о том, что порчу продуктов вызывают гнилостные микробы, Аппер решил убить бактерии путем нагревания. Он расфасовал по банкам крепкий бульон, жаркое, тушеные овощи и засахаренные фрукты, а затем прокипятил банки в соляном растворе в течение двух часов при температуре 110–115 градусов Цельсия. Когда же восемь месяцев спустя Аппер попробовал консервы, продукты оказались не только съедобными, но еще и вкусными.

За это изобретение в 1809 году он получил от Наполеона титул «Благодетель человечества» и 12 000 франков, на которые открыл в центре Парижа первый в мире магазин консервов «Разная снедь в бутылках и коробках».

Так изобретение консервов способствовало оснащению наполеоновской армии, которая сумела покорить почти всю Европу, а консервы стали сами по себе необходимым атрибутом любой войны и не только. Если в эпоху романтизма человек словно сдвинулся с насиженного места, то в долгом пути ему хотелось обеспечить себя едой, и едой к тому же привычной.

Однако консервы надо было не только правильно готовить, но и легко транспортировать. Проблему с тарой решил в 1810 году английский коммерсант Питер Дюран. Он разработал консервные банки из жести с запаянной крышкой. Прежде чем получить патент на изобретение, Дюран проверил его на прочность. Сложив в банки консервированный суп, мясо и молоко, он отправил их на четыре месяца в плавание на английском корабле, а после съел – без вреда для здоровья.

Сам он не производил консервные банки и в 1812 году за 1000 фунтов стерлингов продал патент двум другим англичанам – Б. Донкину и Дж. Холлу, которые в 1813 году построили консервную фабрику в лондонском районе Бермондси, наладили коммерческое производство консервных банок и начали поставки консервированных продуктов для британской армии и флота.

Первые консервные банки были мало похожи на современные, поскольку изготавливались из белой жести, выполненной из выкованного вручную железного листа, покрытого оловом толщиной около 0,1 мм. Их корпуса весили около полукилограмма, изготавливались из прямоугольных листов металла и спаивались вручную на внутренней стороне банки. Дно банки также припаивалось к корпусу. Крышка припаивалась к банке только после того, как в банку закладывалась твердая пища (например, мясо). Если же в банке должно было быть жидкое содержимое, то банка спаивалась полностью, за исключением небольшого отверстия на крышке банки, через которое заливалась жидкость, после чего отверстие также запаивалось.

Первые банки были достаточно дорогими, так как умелый ремесленник мог изготовить только 5 или 6 банок в час.

Ранее при производстве консервных банок применялся свинец, который содержался в припое швов, что приводило к медленному отравлению этим металлом. Известно, что арктическая экспедиция Джона Франклина (1845–1847 гг.) употребляла в пищу консервы именно в таких банках. В результате трехлетнего потребления консервов у многих членов экипажа появились признаки отравления свинцом. Экспедиция Франклина по Северо-Западному пути закончилась трагически именно по вине консервов. Оба корабля были затерты льдами, – но все люди погибли не столько от холода, сколько от отравления. Позже отыскивали останки двух моряков, в тканях которых был обнаружен, как сказали врачи, «катастрофический» уровень содержания свинца. «Виновными» объявили банки для консервов. Обычно свинцовый припой использовался для наружных швов, но по небрежности работника некоторое количество свинца могло попасть внутрь банки.

Кроме того, зимой 1872–73 годов на Шпицбергене умерло 17 вынужденно зимовавших там охотников на тюленей; исследования их останков, проведенные в 2008 году, показали, что с высокой вероятностью их погубило отравление свинцом, содержавшимся в консервных банках с пищей.

Успехи металлургии во второй половине XIX века, начавшиеся с изобретений Генри Бессемера, способствовали получению низкоуглеродистой стали и оказали большую услугу производителям банок. Из этой стали начали вырабатывать более тонкую жести. Применение тонкой жести позволило отказаться от сварки при закреплении доньев и крышек. В конце 1880-х годов был придуман шов для крепления концов, названный «двойным закаточным швом», и появилось оборудование для закатывания банок таким швом. Двойной закаточный шов используется и в настоящее время.

В это же время в Англии появляется первая полностью автоматизированная система по производству банок из жести, которая изготавливала до 6000 банок в час, а также машины для механического лужения, что позволило уменьшить зависимость от ручного труда и удешевить производство банок, что способствовало увеличению их производства в мире.

К тридцатым годам XX века консервная банка практически приобрела современный нам вид.

Война и консервная банка

Выше мы уже говорили о Наполеоновских войнах, когда впервые встал вопрос о необходимости консервированной еды. Наполеон, политик и военачальник романтического типа, его знаменитый принцип: «On s'engage, et puis... on voit» (надо ввязаться в бой, а там посмотрим), скорее, напоминал джазовую импровизацию, чем немецкую гармонию классического типа современных ему противников; он поражал и очаровывал своей дерзостью и непредсказуемостью и долго внушал лишь «страх и трепет» войскам противника. Эта боевая стратегия, направленная своей дерзостью на психологическое воздействие, на аффект ужаса, вполне вписывалась в романтическую эстетику возвышенного. Быстрый непредсказуемый маневр требовал того, чтобы не растягивать длинный обоз, обеспечивающий армию продовольствием, а лошадей – фуражом. Консервированная еда и помогала осуществлению этого молниеносного маневра полководцу-импровизатору. По словам того же Наполеона, от великого до смешного – один шаг. И низменная забота о хлебе насущном обеспечивалась консервированной едой, а гений Наполеона мог уже не отвлекаться на подобные смешные мелочи. Он как свободный художник, чьи итальянские победы воспел

сам Бетховен, мог, подобно герою-романтику, рисковать собственной жизнью на Аркольском мосту, вдохновляя живописца Антуана-Жана Гро на знаменитый шедевр. Можно сказать, что открытие простого парижского ресторатора внесло свой важный вклад в военное величие императора, за что повар и получил громкий титул «Благодетель человечества».

В России начала XIX века о консервах хоть и знали, но им не доверяли. Еще в 1812 году русские солдаты, находя во французских обозах запечатанные бутылки, уверяли, что внутри «лягушатина». Единственный, кто рискнул попробовать трофейные консервы, был главнокомандующий русской армией Михаил Илларионович Кутузов. Остальные или полагались на интендантов, подвозивших на фронт тонны муки и подгонявших стада бычков, или запасались сухарями и сушеным супом со специями, который еще в 1763 году в заказе для полярной экспедиции описал ученый Михаил Ломоносов.

Но потребность в консервах остро встала перед русской армией в годы Крымской войны. Из-за плохих дорог интенданты не успевали вовремя доставлять войскам продовольствие, и русские солдаты питались сухарями и кашей из мяса отощавшего от бескормицы скота.

Чтобы избежать впредь голода в армии, император Александр II распорядился закупить за границей пробную партию консервированных продуктов. Опробовав их сначала на заключенных, затем на студентах, врачи признали консервы годными в пищу.

В 1870 году в Петербурге предприниматель Франц Азибер открыл первый в России консервный завод. В отличие от европейцев, закатывавших в банки в основном свинину, российский фабрикант взял за основу говядину, сочтя, что это мясо больше всего подходит солдатам по вкусу, а казне – по цене. В 1875 году консервы вошли в солдатский паек. А также были заложены на госхранение для нужд армии. Они были нескольких видов: щи с мясом и кашей, мясо с горохом, рагу. Но самыми популярными у солдат были банки мяса тушеного, или попросту – тушенка. Именно ею в годы Первой мировой войны царское правительство накормило 14 миллионов солдат и офицеров!

Мясо, надо сказать, было отменным. Для изготовления тушенки брали говядину, выдержанную 48 часов после убоя, тонко нарежали, тушили два часа, затем раскладывали по банкам вместе с салом, перцем и лавровым листом и стерилизовали.

В одну банку входил фунт тушенки – суточная норма мяса для нижних чинов. На этикетке было написано, как правильно употреблять содержимое: вскрыть штыком, разогреть и съесть прямо из банки. Кстати, еще в 1897 году русский инженер Евгений Федоров изобрел жестяную банку с самоподогревом. У банки было двойное дно, в котором содержались негашеная известь и вода. Один поворот днища – вода и известь соприкасались, и банка нагревалась в результате химической реакции.

В 1915 году фабриканты стали расфасовывать в такие банки тушенку и ограниченными партиями отправлять ее на фронт. Генерал Андрей Шкуро, командовавший в 1918 году отрядом пластунов на Кавказе, вспоминал, что тушенка с самоподогревом не раз выручала их в турецком тылу – быстро, вкусно, а главное, не демаскирует во время вылазок.

Запасов тушенки, сделанных в годы Первой мировой, хватило и на Гражданскую войну. Причем как красноармейцам, так и белогвардейцам.

Во время Великой Отечественной Войны именно американская тушенка очень сильно помогла нашей армии одержать победу над врагом. Мясные консервы стали мощным продовольственным подспорьем для бойцов Красной армии. Здесь достаточно привести цифры. За четыре года войны СССР произвел 432,5 млн банок консервов. Из США по ленд-лизу было поставлено еще более 2077 млн банок мясных консервов. А. И. Микоян, отвечавший во время войны за работу так называемых семи союзных наркоматов, высоко оценивал именно продовольственные поставки союзников.

Сегодняшние консервы, представляющие собой рацион космонавтов на орбитальной станции, естественно, отличаются от старинного армейского пайка. Сегодня они уже вряд ли вспомнят француза Аппера, открывая очередной тубик с едой, но значение консервов в нашей жизни от этого не уменьшится.

Компьютер в эпоху романтизма

Жозеф-Мари Жаккард первым открыл эру автоматике. В 1801 году он изобрел программируемый перфокартами станок, который мог автоматически ткать

сложные узоры. Перфокарты были применены для управления металлорежущими станками в 1840-е гг. Позднее, в XX веке, в век кибернетики, перфокарты использовали для обработки и анализа информации.

Отцом же компьютерной техники можно по праву назвать Чарльза Бэббиджа, профессора математики Кембриджского университета. Его машина, созданная в 1812 году, могла решать полиномиальные уравнения различными методами. Создав в 1822 году небольшую рабочую модель своего компьютера и продемонстрировав ее Британскому правительству, Бэббидж получил средства на дальнейшее развитие своей системы. Новая машина была создана в 1823 году. Она была паровой, полностью автоматической и даже распечатывала результаты в виде таблицы.

Работа над этим проектом продолжалась еще 10 лет, и в 1833 году был создан первый «многоцелевой» компьютер, названный аналитической машиной. Она могла оперировать числами с 50 десятичными знаками и сохраняла до 1000 чисел. Впервые в этой машине было реализовано условное выполнение операций – прообраз современного оператора IF. Аналитическая машина Бэббиджа на полном основании считается предшественником современного компьютера, так как содержит в себе все ключевые элементы, из которых состоит компьютер. Бэббидж предлагал использовать для обработки информации перфорационные карты Жаккарда.

Электричество

Ученые XIX века исследовали свойства электричества. Изобретатели скоро нашли применение этим трудам для связи, получения энергии и освещения. В 1821 г. Майкл Фарадей показал, что электричество может создавать вращательное движение. Он также в 1831 г. построил первый генератор электрического тока. Его открытия не использовались до 1870-х гг., когда были изобретены практически пригодные генераторы.

В XIX веке электричество революционизировало связь. В 1800 г. большинство сообщений шло со скоростью скачущей лошади или парусного корабля. Электрический же телеграф мог передавать сообщения по всему земному шару за несколько часов. В Европе и Америке были разработаны первые системы

радиосвязи. Электрический телеграф Кука и Уитстона впервые был применен в 1837 году. В 1840-х гг. телеграфные линии протянулись по всей Европе и Америке. В 1850-е гг. они были связаны кабелем через океан.

Гигиена

В 1854 году Джон Сноу установил, что холера вызывается грязной водой. Это побудило инженеров строить системы очистки стоков для растущих городов. Лондонская большая система канализации имела пять главных коллекторов, идущих по всему городу, и четыре большие станции перекачки.

Технические системы современного города появились в течение XIX века. Чистая питьевая вода, проведенная в каждый дом, системы канализации, газовые и электрические сети помогли сделать жизнь более здоровой и удобной. Водопровод и канализация ввели в практику более гигиеничные туалеты. Туалеты Викторианской эпохи были шедеврами ремесла и дизайна.

Медицина

Многие инструменты, изобретенные в тот период, употребляются и поныне. У зубных врачей появилась бормашина, появился стетоскоп, термометр, ингалятор для анестезии, аппарат для измерения кровяного давления, появились зубные протезы, первый из которых был изготовлен еще в 1780 году, был изобретен первый шприц.

В 1840-х гг. была впервые применена безопасная анестезия, изгнавшая боль из операционной. В 1862 году Луи Пастер доказал, что многие болезни вызываются микробами. Вслед за этим Джозеф Листер ввел антисептическую хирургию, которая быстро снизила смертность после операции. Листеровский туман карболовой кислоты распылялся над хирургами и пациентами. Труды Пастера также распространили технику вакцинации. Эдуард Дженнер был первым, кто применил вакцинацию против оспы в 1796 году. Роберт Кох выделил микроб, вызывающий туберкулез. В результате этих открытий вакцинация стала

применяться против столбняка, туберкулеза и дифтерии.

Возникновение массового общества

В результате прогресса, совершенного в области медицины и гигиены, резко возросла продолжительность жизни. На историческую сцену хлынул огромный прилив населения. Возникло массовое общество. По данным статистики, именно в 1800 году население Европы впервые перевалило за 100 миллионов человек. Огромную роль, в результате чего, начал играть повседневный быт людей. В XIX веке, веке романтизма, были изобретены: стиральная машина, электроутюг, электрические вентиляторы, плитки и чайники, а также телефон, велосипеды, швейные машинки, пишущая машинка.

Глава II. Повседневная жизнь именитых романтиков

Что за удивительные люди, они тянутся к уродливому, неполноценному, безобразному, незадачливому! Они любят безобразное, нелепое, вырождающееся, они ищут чудовищное в глупом, убогое в изысканном. Отсюда успех Бодлера, этого святого Венсена де Поля, собирающего огрызки, этой навозной мухи в искусстве.

Братья Гонкур, «Дневник»

Напомним, что романтизм – это не только явление литературы и искусства. Романтиками были политики, ученые, философы, а не только музыканты, писатели и поэты. Романтизм проник в повседневную жизнь людей. Он проявился в моде. И романтическая мода распространилась не только в области одежды, она проникла в область чувств, сформировав даже определенный тип романтического поведения. Так, после грандиозного успеха повести Карамзина «Бедная Лиза» к пруду, где якобы утопилась главная героиня, что неподалеку от Симонова монастыря, потянулись длинные вереницы экипажей: чувствительные молодые люди обоего пола отдавали дань памяти своей любимой героине. Был законодателем мод и лорд Байрон. Его Чайльд-Гарольду подражали почти все

молодые люди эпохи, напуская на себя сплин и разочарование. Не случайно Татьяна Ларина, героиня романа Пушкина, поначалу думает, что Онегин лишь «рисует» на себя плащ героя Байрона. А знаменитый Грушницкий из романа Лермонтова «Герой нашего времени» явно кому-то подражает, постоянно произнося пошлые высокопарные фразы.

Вошедший в моду образ разочарованного странника толкал людей в дорогу, в сентиментальное путешествие, которое все больше приобретало мистический характер. Романтические странники считали себя вовлеченными в так называемую «игру космических сил», в которой участвовали Бог и дьявол. Поэтому в самом известном романе той поры, где впервые проявилось романтическое стремление в дальние края, мода на путешествие, Генрих фон Офтердинген, герой Новалиса, отправляется в путешествие после встречи с таинственным незнакомцем и бессонной ночи, в течение которой он «метался на постели». Его мучили странные сны, навеянные рассказами незнакомца о таинственном голубом цветке. Впоследствии этот голубой цветок Новалиса в творчестве австрийского писателя Герберта Айзенрайха превратится в «Голубой чертополох романтизма», когда, вдохновленный романтиком Вагнером, Гитлер оккупирует Австрию. 12 марта 1938 года по дорогам Австрии, самодовольно урча, покатали немецкие танки. Черной тучей нависло над страной слово «аншлюс», означавшее, что Австрию насильственно присоединили к фашистской Германии. Бесноватый фюрер, когда-то не принятый по бездарности в венскую Академию художеств, вернулся в древнюю столицу на коне победителя, как новоявленный Зигфрид. Вагнеровские аккорды, наверное, в этот момент звучали в его душе. А тринадцатилетний школьник из Линца Герберт Айзенрайх тоже вышел на улицу Вены и, стоя во взбудораженной толпе, не знал, плакать ему или смеяться. Он не догадывался, что искалеченной окажется юность целого поколения, что жар души придется потратить не на любовь и образование, а на муштру и борьбу за выживание в грязных прифронтовых лазаретах. И это все было своеобразным отблеском пресловутого голубого цветка, воспетого Новалисом. Почему именно в подобное выродится, в конечном счете, романтическая мечта о голубом цветке? Причина кроется в самой природе злополучного цветка, как и в самой природе романтизма. Давайте разбираться в этом.

Итак, мода на путешествия у романтиков, равно как и мода на путешествия внутрь себя, внутрь мира собственной души, превратилась в некую одержимость. Это было одним из ярких проявлений бытового поведения любой романтической личности. А в тренде, как сейчас говорят, хотел быть каждый. Если ты не ведешь себя как это принято в обществе, то ты не современен.

Страшный приговор для любого молодого человека и девушки. Мир, по которому странствовали герои романтических произведений, не был похож на рутинный мир рядовых граждан. Романтики четко противопоставляли себя презренным обывателям, бюргерам и филистерам. Это были люди возвышенного толка, для которых яркая героика, пусть даже и маргинальная в глазах простых людей, обладала особой привлекательностью. Мораль, о которой читают проповеди в церквях, была не для них. Именно из этой установки на возвышенное и выйдет в дальнейшем теория Раскольникова. Она романтична по своей сути и вся полна воспоминаниями о Наполеоне. Романтики прекрасно понимали, что и маргиналы, всякого рода разбойники и бандиты, так же, как и они, бунтуют против установленного порядка. А хаос романтикам куда ближе, чем порядок, потому что, напомним, что романтический бунт грандиозен по своей природе и направлен, в конечном счете, против устоявшегося миропорядка. Этот мир был миром поэтическим, полным фантазий и чудес. К нему неприменимы законы логики. Неожиданные встречи и поступки, не поддающиеся рациональному объяснению, были здесь нормой; даже внешнее проявление жизни оказывалось таким, каким делало их воображение.

По мнению В. Микушевича, знаменитый голубой цветок заимствован Новалисом из народных тюрингских поверий, согласно которым папоротник цветет голубым цветом в Иванову ночь. Голубой цветок – цветок папоротника, цветок, которого не бывает. Цветок папоротника показывает, где находятся клады. С пятой главы романа голубому цветку начинает отчетливо сопутствовать золото, провозвестником которого выступает старый горняк. Согласно Новалису, золото открывается лишь тому, кто совершенно бескорыстен, ибо золото – таинственная стихия, связывающая этот мир с потусторонним, где нет смерти. Вот почему золото – король металлов, властитель мира: «Известен замок тихий мне, таится там король поныне». Власть короля Золота понимается неправильно, извращается корыстным непониманием. От этой извращенной власти стараются избавить человечество алхимики: «На свет выводят короля; как духи, духов изгоняют». Великое деланье алхимиков заключается в том, чтобы синтезировать золото из всего или превратить все в золото. Золотом, таящимся во всем, обозначается в романе все единство, в котором исчезает все. С таким всеединством соотносится и одновременно не совпадает с ним голубой цветок, обозначающий многообразие мира, с его диалектикой Добра и Зла, диалектикой, корни которой Ю. М. Лотман видел в традиции манихейской ереси. Другие романтики переживали эту проблему острее и болезненнее. Цветок папоротника указывает, где лежит клад, а где клад, там дьявол, нечистая сила. Здесь следует вспомнить романтическую повесть Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала», в которой цветок папоротника указывает на зарытый клад, охраняемый

нечистой силой. Чтобы добыть этот клад, герою приходится принести человеческую жертву и убить невинного ребенка. Это явно сатанинский обряд. В. Микушевич писал: «В анонимном романе «Ночные бдения», подписанном именем средневекового католического святого «Бонавентура», что означает «Благая Участь», мать героя рассказывает ему, что он был зачат в ночь, когда отец его алхимик решает заклясть дьявола. Дьявол является и объявляет себя крестным будущего ребенка, который, по свидетельству матери, удивительно похож на своего крестного. Мнимый Бонавентура зачат алхимиком и подкинут кладоискателю. Воспроизводится или пародируется сокровенная изнанка романа «Генрих фон Офтердинген». Алхимик синтезирует золото («на свет выводит короля»), кладоискатель ищет его, ищет цветок папоротника, обозначающий местонахождение клада, но в «Ночных бдениях» то и другое происходит в присутствии и при участии дьявола. Дьявол в романе – лицо вполне определенное, насколько может быть определенным Ничто. Именно вокруг Ничто вращаются «Ночные бдения». Так в девятом бдении сумасшедший, воображающий себя творцом мира, произносит монолог о том, что мир сотворен им по ошибке, а следовательно, мир и, прежде всего, человек – в сущности, ошибка. Немудрено, что поиски клада превращаются в раскапывание могилы, где похоронен алхимик, отец героя. Кажется, он цел в своем гробу, но стоит прикоснуться к нему, и он рассыпается в прах. Здесь чувствуется явная пародия на «Гимны к ночи» Новалиса и на того же «Генриха фон Офтердингена». Ядовито высмеивается и разоблачается синтез, пророчески возвещаемый Новалисом. Всеединство и многообразие, идеал и символ, золото и голубой цветок, сопутствующий кладу, совпадают... в небытии.

Та же линия получает уже совершенно запредельное преломление в романе Эрнста Теодора Амадея Гофмана «Эликсиры дьявола». Это своего рода житие великого грешника, которое впоследствии намеревался написать Ф. М. Достоевский. В «Эликсирах дьявола» голубой цветок берет верх над кладом, о котором он свидетельствует. Золото затмевается голубым цветком. Самое странное и страшное в романе – двусмысленность голубого цветка, зловещего и целительного одновременно».

Вот эта двусмысленность основного романтического образа Голубого цветка в литературе XX века воспринималась уже как «Голубой чертополох романтизма».

Итак, романтики необычайно любили всякого рода странствия. И чаще всего дорога приводила их в лес, но лес воображаемый. Это был немецкий лес – обитель сказок, которые романтики собирали с такой увлеченностью, называя их

«сном народной души». Здесь была их истинная духовная родина, как писал в 1860-х годах Богумил Гольц. «Из всех творений природы, – говорил он, – именно в лесу собраны вместе все его секреты и прелести...»

И все же то был зловещий лес. Дети, ходившие по ягоды, очень скоро попадали в избушку ведьмы. Когда на лес спускались сумерки, наступало зловещее время, и в определенный день именно в лесу расцветал папоротник. И опять Голубой цветок давал знать о себе в полной мере.

Ужас, затаившийся в глубине лесной чащи, был неотделимой и, возможно, самой важной частью романтического мира. Еще большее беспокойство внушало любованию смертью, столь явное среди представителей первого поколения романтиков. Можно сказать, что смерть в романтической прозе и поэзии оказывалась вездесущей. В сказках братьев Гримм она расхаживала по большим дорогам и беседовала с простыми людьми; у Брентано смерть являлась отважному Касперлю, предупреждая его о близкой кончине; она обращалась к покинутой возлюбленной в «Зимнем пути» Шуберта в шелесте листьев липы и говорила в журчании ручейка с убитым горем подмастерьем из «Прекрасной мельничихи»; обольстительно нашептывала девушкам в расцвете их красоты, властно шептала ребенку на руках отца и смущала разум гордого всадника в стихотворении Вильгельма Гауфа.

Гёте, как-то сказавший, что классик здоров, а романтик болен, возможно, имел в виду именно эту бросающуюся в глаза фамильярность со смертью, которую однажды окликнув по имени и пригласив на огонек, не так-то легко было вновь выставить за дверь. В эпоху романтизма она всегда бродила где-то неподалеку. Это настроение, эта мода на Смерть проявилась и в многочисленных аномалиях поведения наиболее ярких романтиков.

Бок о бок с одержимостью смертью шли апокалиптические мотивы и идеализация насилия, рисующие грядущие события в самых зловещих тонах.

Людвиг Тик и Новалис

Ощущение надвигающейся неизбежной катастрофы, «космического пессимизма», отчаяния и «мировой скорби» приводило порой к самым

необычным выходкам со стороны именитых романтиков. Это состояние всеобщего отчаяния было хорошо известно самому Людвигу Тику, одному из основоположников немецкого романтизма. Рассказывали, что еще в Берлине поэта преследовали припадки тяжелой меланхолии и как бы надвигающегося безумия. Временами им овладевало безутешное отчаяние. Чужим, неузнаваемым, другим являлся он сам себе. Друзья и товарищи казались ему посторонними и незнакомыми, их лица стягивались в страшные маски. С каждым мгновением возрастал его страх. Бывало, в такие минуты Тик как бы терял всякую связь с окружающим его миром действительности. Он забывался в кругу знакомых и не отвечал на их вопросы. Исчезало представление о месте и времени. И это чувство неопределенности, бессознательности возрастало до такого ужаса, то он однажды среди бела дня обратился к прохожему с вопросом о том, в каком городе он находится, и был неприятно поражен и сконфужен, когда его приняли за шутника. В таком состоянии ему казалось, что не добро, а зло властвует над миром. С этим мучительным бредом было связано желание, выросшее до степени навязчивой идеи: во что бы то ни стало увидеть дьявола. Тику казалось, что страстный призыв его души не может остаться без ответа. Многие ночи он проводил на кладбище, среди могил, взывая к дьяволу как властителю мира. (Приведено по книге В. Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика».)

«Святой Дух больше, чем Библия», – писал Новалис, и эта фраза очень точно характеризовала то, что будет соответствовать эстетике Возвышенного, эстетике, основанной на учении о всевозможных аффектах, или потрясениях, когда Добро и Зло переплетались между собой самым причудливым образом. Аффект, который по своей природе не является нормальным выражением привычных эмоций, а всегда свидетельствует о некотором душевном помешательстве, будет лучше всего отражать состояние внутреннего мира романтиков. «Святой Дух больше, чем Библия» – это означало, что романтик не может удовлетвориться лишь десятью заповедями, воплотившимися в Библии. Романтик живет возвышенным, он возвышается и над обычной моралью, уделом обывателя. Это предпосылки для возникновения в дальнейшем философии Ницше и его концепции «сверхчеловека». Напомним, что Ницше считал христианство религией рабов. Нечто подобное мы встречаем и у Новалиса. В 1798 году в сборнике афоризмов «Цветочная пыльца» он писал: «Ваша так называемая религия действует как опий: она завлекает и приглушает боли вместо того, чтобы придать силы».

Для романтического темперамента, часто сбитого с толку и разочарованного ограничениями обыденной жизни, видение всеобщей гибели нередко

представлялось утешительной картиной – своего рода преобразованием, надеждой на избавление и оправдание. Эта тенденция, несомненно, проистекала из присущего всем романтикам пессимизма, который порой принимал катастрофические формы.

В изложении Тиком замыслов Новалиса насчет заключительной части романа «Генрих фон Офтердинген» говорилось, что развязкой и завершением странствий поэта будет Великая война. Тик набросал следующие загадочные строки: «Люди должны сами убивать друг друга; это благороднее, чем падать сраженными судьбой. Они идут навстречу смерти. Честь, слава – радость и жизнь воина. В смерти, как тень, живет воин. Радость смерти – воинственный дух. Дух старого рыцарства. Рыцарские турниры. На земле война у себя дома, война должна существовать на земле». Вот он, зловещий отблеск Голубого цветка, который в XX веке превратится в «Голубой чертополох романтизма».

Фридрих Шлегель

Фридрих Шлегель (1772–1829) и его старший брат – Август – были главными теоретиками йенского романтизма. Незаконченный экспериментальный роман Люцинда (Lucinde, 1799; русский перевод 1935 г.), иногда порицаемый как манифест романтической «аморальности», обладает, прежде всего, автобиографической ценностью, отражая нравственные воззрения Фридриха Шлегеля и его чувства к Доротее (дочери философа М. Мендельсона, 1729–1786), на которой он женился в 1804 году. В 1799 г. в этом романе Фридрих Шлегель описывал свою молодость и свои отношения к Доротее Фейт (Шлегель), незадолго до того сделавшейся его возлюбленной, а позже ставшей его женой согласно его теории «религии любви». Приблизительно в таких выражениях в романе Ф. Шлегеля дается определение подобной религии: «Этот миг, поцелуй Амура и Психеи, есть роза жизни. Вдохновенная Диотима открыла Сократу лишь половину любви. Любовь – не только тайная внутренняя потребность в бесконечном; она одновременно и священное наслаждение совместной близостью». В конце этой главы дается даже намек на любовь однополюю, когда речь заходит о сильной страсти, возвышающей любящее сердце на небесную высоту: «Как орел Ганимеда, возносит его божественная надежда могучим крылом на Олимп». Речь идет о греческом мифе, в котором Зевс «влюбляется» в мальчика Ганимеда и, обернувшись орлом, возносит ребенка к себе на Олимп. Получается, что «религия любви» не знает никаких запретов. А вот цитата из

романа, в которой главный герой, alter ego самого автора, признается в том, как он соблазнял маленькую девочку. «Лолита» В. Набокова явно писалась не без опыта прочтения подобного текста: «Он вспомнил об одной благородной девочке, с которой он в счастливые времена своей ранней юности дружески и весело забавлялся, побуждаемый чистой детской привязанностью. Так как он был первым, который благодаря своему интересу к ней очаровал ее, то это милое дитя устремило к нему свою душу, подобно тому как цветок поворачивается к солнечному свету. Сознание, что она была еще едва созревшей и стояла на пороге юности, делало его желание еще более непреодолимым. Обладать ею казалось ему высшим благом; он был уверен в том, что не может жить без этого, и решился на все. При этом малейшее соображение о мещанской морали внушало ему отвращение, как всякого рода насилие...

Ее симпатия к нему, ее невинность, молчаливость и замкнутый характер легко предоставляли ему случаи видеть ее одну; опасность, с этим связанная, только увеличивала очарование того, что он предпринял. Однако он с досадой должен был себе признаться, что ему не удавалось приблизиться к цели, и он упрекал себя в недостатке ловкости, чтобы совратить ребенка. Девочка охотно допускала с его стороны некоторые нежности и отвечала на них с робким сластолюбием. Однако лишь только он пытался перейти известные границы, она, не производя впечатления обиженной, противодействовала ему с непреодолимым упорством, может быть, больше руководясь чужим запретом, чем собственным чутьем по отношению к тому, что во всяком случае дозволено, и к тому, что не дозволено ни в коем случае...

А между тем, он не уставал надеяться и наблюдать. Однажды он застал ее врасплох, когда она меньше всего этою ожидала. Перед тем она долго была одна, предоставленная на более длительный, чем обычно, промежуток времени своей фантазии и неопределенной тоске. Когда он это заметил, то решил не упускать мгновения, которое, возможно, никогда не повторится, и, окрыленный внезапной надеждой, пришел в состояние опьянительного вдохновения. С губ его полился поток просьб, комплиментов и софизмов, он осыпал ее нежностями и, вне себя от восторга, почувствовал, как прелестная головка опустилась, наконец, к нему на грудь, подобно тому как слишком распутившийся цветок томно поникает на своем стебле. Без колебания прильнула к нему стройная фигурка, шелковистые локоны золотых волос заструились по его руке, в нежном ожидании приоткрылся бутон очаровательного рта, и в кротких темно-синих глазах вспыхнул алчущий непривычный огонь. Лишь слабый протест оказывала она его дерзновеннейшим ласкам. Скоро она и совсем перестала сопротивляться, ее руки внезапно поникли, и все оказалось ему

предоставленным: вся ее нежная девственная плоть с плодами юной груди».

Но на этом откровенные признания героя не заканчиваются. Юная девушка не может удовлетворить его страсть, и Юлий переключается на известную куртизанку: «Итак, он все сильнее запутывался в интригах дурного общества, а то, что ему еще оставалось в смысле времени и сил в этом водовороте развлечений, он предоставил одной девушке, которую он стремился обладать как можно более безраздельно, хотя он нашел ее среди тех, которые почти открыто принадлежат всем. Делало ее для него столь привлекательной не только то, благодаря чему она была для всех желанной и всеми одинаково прославленной, – ее редкая опытность и неисчерпаемая разносторонность во всех соблазнительных искусствах чувственности... Будучи весьма испорченной, она проявляла своего рода характер; ее отличало множество своеобразных особенностей, и ее эгоизм был также особого порядка. Наряду с независимостью, она ничего так безмерно не любила, как деньги... От поры до времени она освежалась благовонными ароматами и при этом заставляла своего жокея, красивого мальчишка, которого она нарочно соблазнила уже на четырнадцатом году его жизни, читать себе вслух повести, описания путешествий и сказки... Она знала лишь один способ зарабатывать деньги, и из деликатности, которую она проявляла единственно по отношению к Юлию, она брала лишь незначительную долю того, что он ей предлагал».

Роман «Люцинда» вызвал со стороны читающей публики обвинения в аморализме и безнравственности. Шлегель трактовал любовь как средство к очищению и духовности, придавая ей религиозное значение. Это представление напрямую было связано с концепцией романтической иронии, самым ярким приверженцем которой и явился Фридрих Шлегель. Свободный человеческий дух, по его мнению, неподвластен никакому ограничению. Ирония у Ф. Шлегеля – не стилистический прием, а сторона мировоззрения. Художник-творец наделяется правом иронии ко всему, считающемуся неприкосновенным, устойчивым, в том числе и нравственным нормам. Романтическая ирония, оправдывая всяческую ломку, может вести не только к большим завоеваниям, но и к творческому произволу.

Роман этот, конечно, не может быть назван художественным произведением, но, тем не менее, имеет очень важное значение в истории романтизма, так как является своего рода манифестом романтической школы. В нем с особенной яркостью отразились эстетические и этические воззрения школы и, прежде

всего, теории романтической иронии и «религии любви». Здесь в точности соблюден принцип эстетики Шлегеля, что романтический поэт не стесняется никакими правилами, нравственными в том числе. Совершенная путаница обнаруживается уже в том, что это заявление сделано не автором, а героем романа Юлием в письме к Люцинде. Юлий, говоря о своей любви Люцинде, говорит о сочинениях Шлегеля, обращаясь к ней, обращается и к публике. В изложении господствует та же путаница. Рассказ прерывается письмами, аллегориями, в которых появляются в качестве действующих лиц произведения Шлегеля, даже еще не написанные. В главе «Ученические годы возмужалости» находим большой отрывок из истории прежних увлечений Юлия, живописца, гениального юноши с бурными стремлениями, ведшего беспорядочную жизнь до встречи с Люциндой, также художницей, обладание которой объяснило ему истинную сущность любви и пролило новый свет на жизнь. Затем следуют «метаморфозы», два письма Юлия, быть может, лучшее место во всем романе, где есть, по крайней мере, какое-либо реальное содержание; далее «Рефлексия» – рассуждения метафизико-фантастико-эротического характера на тему о размножении человечества, еще два письма Юлия к другу Антонию и, наконец, заключительная глава под заглавием «Шалости фантазии», в которой сексуальные фантазии автора лавиной обрушиваются на голову неподготовленного читателя. Еще раз хочу напомнить, что речь идет не о каком-то тривиальном представителе либертинажа в духе маркиза де Сада, а о главе немецкой романтической школы.

Эрнст Теодор Амадей Гофман

Этого великого писателя называли еще «злым гномом берлинских винных погребков». Определение романтической иронии, данное Фридрихом Шлегелем: «Она – самая свободная из всех вольностей, потому что благодаря ей можно возвыситься над самим собой», стало жизненным девизом Гофмана. Девятнадцатилетним, ничего еще не зная о романтической иронии, он называет придворного шута Тринкуло из шекспировской «Бури» своим предшественником. В юности Гофман любил отчаянные проделки. Например, когда однажды он влюбился в воспитанницу женского пансиона, располагавшегося по соседству, они с приятелем попытались прорыть туда подземный ход, а когда попытка была пресечена – соорудили настоящий воздушный шар, который, правда, взорвался над двором пансиона (видимо, распугав всех воспитанниц). В дальнейшем Гофман, в результате житейских неурядиц и склонности к

маргинальному поведению, стал завсегдатаем знаменитого берлинского «Кафе-Рояль» и не только. В этом кафе и встретил чуть ли не в последний раз великого Гофмана другой юный гений, поэт Генрих Гейне и описал эту встречу в своем первом «Письме из Берлина». В последний, или, быть может, в предпоследний, раз сидел там «маленький юркий человечек с вечно подергивающимся лицом», развлекая и завораживая «движениями забавными и в то же время жутковатыми» своих товарищей по застолью, а когда письмо Гейне было напечатано, советник апелляционного суда Гофман лежал уже на смертном одре, осаждаемый грозными представителями прусского полицейского государства. Гейне лишь повторил то, что описывали другие современники Гофмана, бывшие очевидцами шумных гофмановских пирушек в знаменитых берлинских ресторациях и винных погребах – у Мандерле и в «Золотом якорю», у Пуппа и, конечно же, у Люттера и Вегнера, где он проводил все ночи. Что же касается «Кафе-Рояль», то, будучи безнадежным должником, Гофман даже сочинял тексты, рекламирующие сие знаменитое заведение, подписывая зазывно-рыночные восхваления именем «Клеофаса Венцеля, почетного члена гастрономических обществ Берлина и Пекина», чтобы хоть чуточку поубавить огромную гору своих долгов. Многочисленные знакомые и незнакомцы, встречавшиеся на его пути, и в самом деле видели его только таким: кривлякой и шутником, быть может, духовидцем, общающимся с потусторонним миром, и горьким пьяницей. Очень часто Гофман, советник королевского прусского апелляционного суда, велел «затаскивать» уважаемых чиновников и добропорядочных людей в трактиры, где принуждал их участвовать в шумных попойках. Так произошло, например, с благонамеренным редактором Фридрихом Вильгельмом Губицем, который после такого вечера, по собственному его признанию, «всю жизнь терпеть не мог шампанского». А вот подлинный случай, который имел место в ресторане «У розы»: попрощавшись со своим другом Кунцем, Гофман стал свидетелем, как посетителя, который пригласил на танец свою даму, хватил (апоплексический) удар. Из воспоминаний Карла Фридриха Кунца: «И по нынешний день владелец ресторана «У розы» господин Кауэр благодарно вспоминает Гофмана: не будь тот его посетителем, он был бы теперь беднее на много тысяч гульденов, ведь само присутствие Гофмана неизменно притягивало сюда многих посетителей. Без преувеличения можно сказать, что за один вечер, ежели на нем присутствовал Гофман (еще в обед к нему посылали узнать об этом), несколько десятков гостей выпивали больше, чем целое гармоническое общество, помещавшееся в том же заведении (где пребывает и по сей день), со всеми его зваными вечерами и балами. Гофман веселился, немало потешаясь над обществом, которое, поглощая жирных каплунов во время своих званых обедов, кормило других обещаниями (говоря шекспировским слогом) и слишком многого требовало от хозяина, никак не

поддерживая его материально. <...>

Гофман редко пьянел, сколько бы ни пил на этих пирушках... Да и то это случалось лишь тогда, когда его хорошее настроение было чем-то испорчено, например если за столом оказывался кто-нибудь из тех, кто, как он говорил, прозаически продал душу дьяволу, либо из тех, что продолжали чинно сидеть либо глуповато улыбались, не понимая шуток, даже когда он рассказывал какую-нибудь очень смешную историю и общество раздражалось безудержным смехом».

Привычка пить ежедневно осталась с ним на всю его короткую жизнь. Кстати, после смерти Гофмана только его любимая пивная простила ему все долги, уж очень он нравился владельцу заведения. Каждый вечер он напивался, приходил домой и начинал писать. Амалия Годен в своих воспоминаниях о Гофмане писала: «Отец мой как врач переживал немалые трудности с этим своенравнейшим пациентом, который, страдая спазмами желудка, пытался лечить их по собственному почину ромом и коньяком, не забывая при этом, однако, жаловаться доктору на плохое самочувствие. В ответ на угрозу выставить его за дверь он давал клятвенные обещания впредь придерживаться врачебных предписаний и просил избавить его от повышенной нервозности, после чего опять все шло по-старому». Его повышенная экзальтированность проявлялась в приступах подлинного отчаяния. Говорят, иногда жуткие фантазии так будоражили его воображение, что он будил жену и дальше писал только в ее присутствии. С женой у них были довольно странные, но вполне обычные для романтиков отношения: недавно они потеряли двухлетнюю дочь, супруга Гофмана, простая женщина, целиком отдавшаяся домашнему хозяйству, обычно очень скромному, терпеливо сносила все выходки писателя-невротика. Она была проста, скромна, непритязательна и добродушна, терпелива и уступчива при неожиданных переменах его настроения; она не была близка ему духовно – но этого и не требовалось для его домашнего счастья, поскольку он терпеть не мог ученых женщин. Быт Гофмана был весьма скромным. При подходе к дому, где он жил, взглядам приезжих открывалось чердачное окошко. Там была спальня Гофмана. Вот как вспоминает об этом один из друзей писателя: «Когда я заходил к нему, крошечная комнатка нередко давала повод для забавных фантазий, особенно привлекала Гофмана четырехугольная дыра в потолке, шириной примерно в два фута, своего рода окошко в верхнюю спальню. О ней он рассказывал удивительнейшие вещи. Владелец дома собирался заделать дыру, отнюдь не украшавшую, по его мнению, комнатку, однако Гофман воспротивился – тогда исчез бы повод для всевозможных шуток. Дыра служила не только для переговоров с женой, когда он, к примеру, был в

спальне, а жена внизу, но и для разных смешных сюрпризов вроде свешивающегося вниз длинного полотенца или нечаянно сброшенной пары сапог».

По обыкновению он решительно восставал против всего, что было ему противно, и в подобном состоянии мог делаться весьма грубым и насмешливым. Вообще, все, кто мешал ему, становились его врагами; те же, кто, в довершение всего, пел или музицировал поблизости от его дома, становились врагами, и врагами смертельными. Кому могло прийти в голову, что следует опасаться языка этого маленького человечка, вечно ходившего в одном и том же поношенном фраке коричнево-каштанового цвета, редко расстававшегося даже на улице с короткой трубкой, из которой он выпускал густые облака дыма, жившего в крошечной комнатенке и обладавшего при этом столь саркастическим юмором?

Гофман пережил также настоящую болезненную страсть к своей ученице Юлии, которая была намного моложе его (Гофману было около сорока, а его возлюбленной лишь шестнадцать). Об этой страсти знали все. Жена, которую Гофман обычно звал Мишей, должна была страдать в одиночестве. Умом и образованием она явно уступала своему супругу. Но Гофман мог бы прожить долгое время только с такой безропотной и терпеливой женщиной.

Интрига с Юлией и легла в основу одной из сюжетных линий великого романа «Житейские воззрения кота Мурра». Писатель, подрабатывающий музыкальным репетитором, безнадежно влюбился в собственную ученицу Юлию Марк. Разница в возрасте была колоссальная, да и Юлия не пылала страстью к больному, бедному, неудачливому алкоголику. Временами, по свидетельству современников, Гофман страдал сильными желудочными спазмами, от которых излечивался сам – хотя и при помощи довольно опасного средства, – выпивая через короткие промежутки времени изрядные порции коньяка, рома или арака, и редко случалось, чтобы спазмы продолжались более одного дня. Его врач и друг, доктор Шпейер, предостерегал от подобного лечения, которое легко могло вызвать катар желудка. В таком болезненном состоянии Гофман совершенно не привлекает девушку, а писатель, напротив, превозносит красоту и таланты Юлии. К тому же девушка молода, ее родители богаты и влиятельны, ей не нужно думать о приданом. Она веселится в кругу друзей, а Гофман живет с нелюбимой женой, их брак явно дал трещину после смерти единственного ребенка, он страдает от неразделенной преступной страсти, сгорая как свеча.

Плюс ко всему Гофман еще успел подцепить где-то сифилис. Можно предположить, что после Бахуса великому романтику приходилось отдать дань и Эросу. Театральная богемная жизнь, которой был не чужд великий романтик, славилась свободными отношениями. Может быть, именно из-за этого в его сказках часто встречаются сложные и неожиданные повороты сюжета. А утром Гофман собирался и шел на работу, чтобы вновь выполнять скучные юридические обязанности. Скорее всего, до ранней смерти писателя довел такой нездоровый образ жизни – много вина, много любви и страстей, мало сна. Результат плачевный: в 46 лет, паралич спинного мозга, как результат развития сифилиса, который он, скорее всего, получил во время своей бурной театрально-богемной жизни еще в городе Бамберге, когда, по его же собственному признанию, он, как герой Шекспира, плясал «вокруг разверстой могилы», и, наконец, смерть.

Генрих фон Клейст – романтик-убийца

Имя Генриха фон Клейста (Heinrich von Kleist) известно в Германии всем. Невероятно, но факт: драматург, при жизни которого была поставлена одна-единственная его пьеса, к тому же закончившаяся провалом, успевший написать всего восемь новелл, прежде чем покончить жизнь самоубийством в 34 года, считается одним из признанных классиков немецкой литературы. Он жил в конце XVIII – начале XIX веков, в эпоху войн, переворотов и революций, и сам был на редкость неуравновешенным, мятущимся, беспокойным человеком. «Все во мне спутано», – писал о себе Клейст. Он не мог дождаться дня, когда, наконец, сбросит ненавистный офицерский мундир и уйдет в отставку, – и прославлял в своих произведениях полководцев и воинов, вступал в наполеоновскую армию и носился с планами убийства Наполеона, был одновременно романтиком и реакционером... У него репутация «патриотического» поэта, прославлявшего прусское отечество, и его считали своим творческим предтечей аполитичные экспрессионисты... Самая известная пьеса Генриха фон Клейста – «Разбитый кувшин» («Der zerbrochene Krug»). Это чуть ли не единственная комедия, вошедшая в золотой фонд немецкого театра. Один из российских критиков нашел в ней параллели с гоголевским «Ревизором». Причем это вовсе не политическая сатира: автор с явной симпатией изображает главного отрицательного персонажа – плутоватого судью Адама. Впрочем, министр пропаганды «третьего рейха» Йозеф Геббельс (Joseph Goebbels) усмотрел здесь карикатуру на самого себя (тем более, что он прихрамывал, как и Адам в

комедии), и поэтому запретил вышедший в 1937 году в Германии фильм с Эмилом Яннингсом (Emil Jannings) в главной роли. Лишь благодаря вражде и интригам внутри нацистской верхушки комедия, в конце концов, вышла в прокат. Но о том, как внутренне национал-социализм в Германии был связан с эстетикой и философией романтизма, мы поговорим позднее.

Пьеса «Разбитый кувшин» выходила на русском языке несколько раз, чаще всего в отличном переводе Бориса Пастернака. Пастернак переводил и другие произведения Клейста. Он даже написал предисловие к одному из изданий. В нем говорится, в частности, о родстве мотивов у Клейста и Пушкина. Имеются в виду образы Михаэля Кольхааса (у Пастернака – Кольгааса) в одноименной новелле Клейста и пушкинского Дубровского. Это образы «благородных разбойников», причем весьма неоднозначные. «Читая у Клейста описание поджогов и убийств, совершенных из высоких побуждений, нельзя отделаться от ощущения, что Пушкин мог знать Клейста, когда писал Дубровского», – подчеркивает Пастернак.

К 200-летию смерти Генриха фон Клейста в Германии вышло сразу несколько новых книг, рассказывающих о его жизни, творчестве и его трагедии. Впрочем, такие книги выходили и в предыдущие годы. Столь высокий интерес к личности Клейста объясняется не только его выдающимся литературным наследием, но и множеством загадок, которые он оставил. Пожалуй, самая главная загадка: почему Клейсту понадобился для самоубийства второй человек? В 1810 году Клейст познакомился и близко сошелся с Генриеттой Фогель (Henriette Vogel), которая была старше его, замужем и страдала неизлечимой болезнью. Трудно сказать сегодня, кто именно выступил «инициатором» двойного самоубийства. Любовь здесь была ни при чем. Клейст на протяжении нескольких лет много раз возвращался к мыслям о том, чтобы покончить с жизнью. Как бы там ни было, но 21 ноября 1811 года он пришел на берег озера Ванзее вместе с Генриеттой и застрелил сначала ее, а потом себя. Там они и похоронены. Рядом стоят большой обелиск – над могилой Клейста и надгробный камень поменьше – над могилой Генриетты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zharinov_evgeniy/rokovoy-romantizm-epocha-demonov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)